

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СЕКУНДАРНЫХ ПРАВ И ПРАВООТНОШЕНИЙ

© 2011 г. Светлана Анатольевна Иванова¹

Краткая аннотация: статья посвящена понятию секундарных прав и правоотношений. Помимо определения правовой природы секундарных прав, автор показывает связь правоспособности через односторонние действия с секундарными правами и секундарными правоотношениями и их реализацию в субъективные права в обычном правоотношении.

Annotation: article is devoted concept sekundars the rights and legal relationship. Besides definition of the right nature sekundars the rights, the author shows communication правоспособности through unilateral actions with sekundars the rights and sekundars legal relationship and their realization in the subjective rights in usual legal relationship.

Ключевые слова: секундарное право, субъективное право, односторонние действия.

Key words: sekundar the right, the subjective right, unilateral actions.

Несмотря на то что теории секундарных прав уже более 100 лет, споры об основных проблемах, таких как юридическая природа, понятие, место указанного феномена в системе цивилистических категорий, не утихают.

Первое специальное исследование секундарных прав было осуществлено немецким цивилистом Э. Зеккелем, выпустившим в 1903 г. в Берлине монографию, посвященную этой теме. Созданная им теория стала господствующей в германской цивилистике. Э. Зеккель ввел понятие “Gestaltungsrechte”², буквально означающее “правообразовательное”, “правообразующее”, “конститутивное” право.

Э. Зеккель полагал, что Gestaltungsrechte представляют собой субъективные права, содержанием которых является возможность управомоченного лица установить (преобразовать) субъективное право с помощью односторонней сделки. Их особенность заключена в том, что им противостоит не обязанность, а связанность другого лица действиями управомоченного субъекта³.

Если попытаться классифицировать взгляды российских цивилистов, которые высказывались по вопросу о секундарных правах, то они могут быть сведены в три группы.

Первую составляют те, кто выражал отрицательное отношение к конструкции секундарных прав и ограничивался общими суждениями.

Так, Р.О. Халфина считала, что в советском праве нет оснований для выделения особой группы секундарных прав⁴.

Вторая группа авторов рассматривает секундарные права в качестве разновидности субъективных гражданских прав. В частности, С.Н. Братусь полагал, что если исходить из более широкого понимания субъективных прав, т.е. как возможности и обеспеченности известного поведения, то это позволяет отнести секундарные права к числу субъективных прав⁵.

К такому же выводу приходит и В.И. Серебровский, анализируя правовую природу права на принятие наследства⁶. Вряд ли можно согласиться с этим подходом поскольку секундарному праву одной стороны соответствует не обязанность другой стороны, а только связанность ее этим правом.

Третья группа ученых признает наличие секундарных прав как особых правовых явлений и, следовательно, исходит из невозможности их отнесения к субъективным гражданским правам⁷.

В отечественной цивилистике сформировались два подхода к пониманию правовой природы секундарных прав:

- 1) секундарные права можно рассматривать как субъективные гражданские права;
- 2) секундарные права не являются субъективными гражданскими правами, но представляют собой нечто иное, например односторонние сделки.

Наиболее последовательно суждения о секундарных правах изложены А.Г. Певзнером, рассматривающим их как

¹ Заведующая кафедрой гражданского права Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: ivanovasal@yandex.ru).

² Gestaltungsrechte значительно шире того, что современная доктрина подводит под это понятие (оно даже шире, чем круг явлений, охватываемых понятием “Sekundare Rechte”, которое рассматривается как родовое по отношению к Gestaltungsrechte). Следовательно, термин “секундарные права” в немецком его варианте означает нечто совсем иное, так как термин “Gestaltungsrechte” не может быть буквально переведен на русский язык словосочетанием “секундарные права” (см.: Третьяков С.В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 262).

³ См.: Вестник гражданского права. Т. 7. 2007. № 2. С. 205–253.

⁴ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 234.

⁵ См.: Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 8.

⁶ См.: Серебровский В.И. Очерки советского наследственного права // Избр. труды по наследованию и страховому праву. М., 2003. С. 74, 75.

⁷ См.: Вакулина Г.А. О секундарных правах в науке гражданского права России // Успехи современного естествознания. 2008. № 11. С. 60, 61 // http://www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7781354

юридическую форму взаимной (обоюдной) связанности поведения двух или более конкретных лиц, т.е. нечто большее, чем проявления правоспособности, но нечто меньшее, чем субъективные права.

Он разделяет все правовые явления, относимые к секундарным правам, на две группы: 1) права, являющиеся предпосылками возникновения правоотношения (право на акцепт, право на принятие наследства); 2) права, входящие в уже существующее правоотношение (право расторжения договора, право выбора в альтернативном обязательстве).

Первая группа прав, считает автор, не есть субъективные права. Отношения между лицами, обладающими правами первой группы, образуют промежуточное правоотношение. Такое правоотношение своим содержанием имеет взаимосвязанность поведения участников, а не права и обязанности⁸.

Нетрудно заметить, что в своих выводах А.Г. Певзнер руководствовался теорией секундарных прав, разработанной в начале XX столетия Э. Зеккелем.

Одним из первых концепцию секундарных прав развил в своих работах М.М. Агарков, который признавал их не субъективными гражданскими правами, а проявлениями правоспособности.

Как указывал М.М. Агарков, субъективному праву всегда противостоит обязанность другого лица, между тем как иногда совершаются юридические действия, которым противостоит не обязанность, но лишь связанность другого лица.

Так, например, лицо, сделавшее оферту, еще не обязано перед адресатом оферты, но связано возможностью получения от него акцепта. У получателя оферты не возникло еще субъективного права, поскольку договор не заключен, связанность не превратилась в обязанность, количество не перешло в новое качество. Но у него имеется все же нечто большее, чем вообще способность заключить договор: он может путем акцепта заключить данный договор. Поэтому у него нет субъективного права, но есть "образующееся", или так называемое секундарное право⁹.

Таким образом, М.М. Агарков различал три понятия:

1) правоспособность, но не в статическом, а в динамическом состоянии, поскольку ее содержание в каждый данный момент зависит от взаимоотношений ее обладателя с другими лицами;

2) субъективное право, возникающее на основе правоспособности и характеризующееся тем, что ему противостоит обязанность других лиц;

3) секундарное право, являющееся промежуточным звеном между правоспособностью и субъективным правом: оно представляет собой нечто большее, чем правоспособность, так как принадлежит не каждому, а лишь данному лицу, и нечто меньшее, чем субъективное право, так как ему противостоит не обязанность, но лишь связанность других лиц.

С.Н. Братусь подверг критике теорию М.М. Агаркова. Он отмечал: "Мы исходим из более широкого понимания субъек-

тивного права и поэтому... полагаем, что так называемые секундарные права являются субъективными правами"¹⁰.

Анализ предложенного решения проблемы показывает, что С.Н. Братусь различал два понятия: 1) правоспособность как абстрактное или суммарное выражение способности обладать предусмотренными законом правами и обязанностями; 2) субъективное право как меру возможного или дозволенного поведения, как всякое проявление правоспособности¹¹.

Критикуя позицию С.Н. Братуся, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский указывали, что, "для того чтобы у данного лица возникли те или иные субъективные права, недостаточно одной лишь правосубъектности, но необходимо также наступление определенных, законом предусмотренных юридических фактов"¹². И далее: "Между правосубъектностью и субъективным правом имеется промежуточное звено в виде юридических фактов, каковыми могут быть не только события, но и действия, причем действия, которые отнюдь не всегда представляют собой осуществление субъективного права"¹³.

Когда мы говорим о юридических фактах – действиях, причем правомерных действиях, то сами эти действия, которые не являются ни сделками, ни юридическими поступками, ни юридическими актами, не вошли ни в одну из классификаций в качестве самостоятельной группы в классификационном ряду.

В советском и в современном российском законодательстве этот (или схожий) термин никогда не употреблялся. Судебная практика также не пользовалась этим термином, да и споров, в которых внимание суда было бы обращено на суть данного явления для правильного разрешения рассматриваемого дела, насколько нам известно, не было.

Не так давно на рассмотрение Президиума Верховного Суда РФ поступило весьма примечательное дело, заключавшееся в следующем¹⁴. В июне 1996 г. Р. обратилась в Преображенский районный суд г. Москвы с иском к Д. о признании договора купли-продажи квартиры с условием пожизненного содержания продавца недействительным. Затем, изменив предмет иска, потребовала (в апреле 1997 г.) расторгнуть данный договор на том основании, что ответчик не выполняет взятых на себя по договору обязательств. 11 июля 1997 г. Р. умерла. Дело было приостановлено, но 28 декабря 1997 г. определением того же суда в дело в качестве правопреемника допущена наследница, в связи с чем производство по делу было возобновлено.

Решением Преображенского районного суда г. Москвы от 27 января 1999 г. указанный договор расторгнут. Судебная коллегия по гражданским делам Мосгорсуда оставила без изменений решение суда первой инстанции. Президиум Мосгорсуда и Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ оставили без удовлетворения протесты, соответственно, прокурора г. Москвы и заместителя Генерального прокурора РФ. Наконец, 10 января 2001 г. своим Постановлением Президиум Верховного Суда РФ оставил без удовлетворения протест заместителя Генерального прокурора РФ.

¹⁰ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 10.

¹¹ См.: Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (Ч. 1). Избр. труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 290.

¹² Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 256.

¹³ Там же. С. 257.

¹⁴ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 7. С. 11.

⁸ См.: Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 766.

⁹ См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Избр. труды по гражданскому праву. Т. 1. М., 2002. С. 70–73.

В протесте заместителя Генерального прокурора утверждалось, что судебные инстанции исходили из ошибочного суждения о том, что спорные правоотношения допускают правопреемство. В протесте говорилось, что, поскольку обязательства покупателя квартиры Д. по обеспечению ухода и содержанию продавца Р. подлежали исполнению непосредственно в пользу последней, т.е. неразрывно были связаны с личностью Р., они прекратились вследствие ее смерти. Поэтому к наследнице Р. не могли перейти ее право требования к Д. по предоставлению содержания и ухода, вытекающее из договора от 29 января 1996 г., и, соответственно, право требовать расторжения данного договора ввиду существенного нарушения его условий.

Президиум Верховного Суда РФ в своем Постановлении указал, что согласно п. 1 ст. 605 ГК РФ обязательство пожизненного содержания с иждивением прекращается со смертью получателя ренты. В силу личного характера обязательств по предоставлению содержания к наследнику получателя ренты не может перейти право требования по предоставлению содержания. Далее Президиум делает ключевой вывод, говоря, что предметом спора по делу являлась не защита права требования по предоставлению содержания, а требование получателя ренты о возврате недвижимого имущества (квартиры) ввиду существенного нарушения плательщиком ренты своих обязательств, т.е. требование о расторжении договора купли-продажи квартиры (п. 2 ст. 605 ГК РФ). Это требование было заявлено первоначально самой Р. и затем поддержано после ее смерти наследницей. В заключение Президиум отметил, что в правоотношениях по возврату квартиры правопреемство являлось допустимым, поэтому суд правомерно допустил к участию в деле правопреемника истицы.

Приведенное дело заключает в себе непростой вопрос о предмете преемства с учетом личного характера отношений из договора пожизненного содержания. Удивительно, что суды всех инстанций единодушно допустили замену стороны в процессе. Правильно ли поступили суды, допустив правопреемство в процессе, и если да, то что же все-таки являлось предметом преемства в данном деле?

Полагаем правильным допускать преемство в подобно-го рода делах и не считаем, что это будет противоречить закону. Вопрос лишь в предмете преемства. Следует сказать, что Президиум Верховного Суда РФ не совсем верно определил его существо, хотя этот момент не влияет на правильность постановления высшего судебного органа. Ясно одно, что предметом преемства не являлось право кредитора на получение содержания по договору, и в этой связи нельзя не отметить, что прокурорский протест основывался на принципиально верном постулате – спорные правоотношения (т.е. отношения из договора пожизненного содержания) не допускают правопреемства. Суды, конечно, не могли не согласиться с этим тезисом, если взять его в отрыве от конкретных обстоятельств дела. Закон недвусмысленно указывает на личный характер требования получателя ренты, предусматривая прекращение данного права в случае смерти кредитора. Естественно, суды строго придерживались данного законодательного предписания¹⁵.

В то же время в Постановлении сказано, что произошло правопреемство в правоотношении по возврату квартиры.

С этим тезисом трудно согласиться, так как истица умерла еще до вынесения судом решения о расторжении договора. Значит, расторжения договора к моменту ее смерти еще не состоялось. Поэтому не могли наступить последствия, связанные с расторжением договора, в частности не могли возникнуть отношения по поводу возврата неосновательного обогащения в силу аннулирования сделки. Представляется, что в рассматриваемом деле произошло преемство именно в праве на расторжение договора. Оно не является субъективным правом и должно быть отнесено к категории sekundарных прав. Этот интересный случай говорит в пользу реальности существования sekundарных прав и необходимости в связи с этим учитывать юридические особенности данного правового явления¹⁶.

Вместе с тем, на наш взгляд, односторонние действия являются самостоятельной группой, составляющей дозволенные действия. Характер волеизъявления в односторонних действиях существенно различается с характером волеизъявления в сделках: односторонние действия, в отличие от двух(много)сторонних сделок, *не нуждаются во встречном волеизъявлении, с другой стороны, и для их совершения достаточно волеизъявления только одной стороны правоотношения*.

Следует, однако, принять во внимание мысль проф. Э. Зеккеля об установлении субъективного права с помощью односторонней сделки. Это связано вообще с проблемой односторонних сделок, поскольку российский законодатель, упоминая о них, не относит к односторонним никакую конкретную сделку.

Представляется, что именно в силу этой причины развитие наших знаний об односторонних сделках принадлежит исключительно доктрине.

Известная работа проф. И.Б. Новицкого¹⁷, а также последние по времени публикации¹⁸ уже традиционно относят к односторонним сделкам составление завещания, выдачу доверенности, принятие наследства, объявление торгов или конкурса, отказ от исполнения договора и т.д. Примеров приводится достаточно много.

Тем не менее остается неясным: какие гражданские права и обязанности устанавливаются, изменяются или прекращаются с помощью односторонних сделок? Несомненно, что права, вытекающие из односторонних сделок, не являются субъективными, поскольку они ни у кого не создают обязанностей и, следовательно, не укладываются в рамки общепринятого понятия правоотношения. Но и это не все: можно в конце концов игнорировать отсутствие обязанного лица и рассматривать только права управомоченного субъекта. Но, вероятно, они не имеют никакого отношения к сделке, поскольку сделка с самим собой есть правовой нонсенс.

Кроме того, даже теоретически трудно представить себе сделку, которая только связывает, но не обязывает субъекта. Это обстоятельство не позволяет отождествить одностороннюю сделку и sekundарное право, а последнее – с субъективным правом. В первом приближении sekundарное право представляет собой правомочие на совершение односторонних действий, вытекающее из закона, связывающего субъекта таких действий границами конкретного одностороннего акта.

¹⁶ См.: там же. С. 70, 71.

¹⁷ См.: Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М., 1954.

¹⁸ См.: Гражданское право. Учеб. В 3-х ч. Ч. 1 / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. М., 2010. С. 281.

¹⁵ См.: Богатырев Ф.О. Секундарное право на примере постановления Президиума Верховного Суда России // Журнал рос. права. 2005. № 2. С. 69.

Говоря иными словами, закон управомочивает субъекта совершить определенные действия и устанавливает связанность его этими действиями.

В связи с совершением тех или иных односторонних действий у субъектов появляется определенный статус и тем самым возникает соответствующее правоотношение. В данном случае у субъекта уже появляется не возможность, а правовая направленность совершения односторонних действий, порождающих новое правоотношение, состоящее в правовой связанности этого субъекта.

Специфическим для секундарного правоотношения является наличие только одного субъекта. Тот несомненный факт, что данный субъект обладает волей и способен на волеизъявление, невольно способен породить аналогию со сделкой, где воля и волеизъявление – важнейшие составные элементы сделок.

Конечно, действие, признаваемое сделкой, и одностороннее действие, сделкой не являющееся, одинаково действия. Но у них разная правовая суть. Из сделок возникают, изменяются или прекращаются субъективные права и обязанности, а из односторонних действий возможна только реализация правомочий, вытекающих из правоспособности, без правовых последствий для других лиц.

Чтобы такие правовые последствия возникли, необходимо волеизъявление другого лица. Направление оферты конкретному лицу требует волеизъявления акцептанта, иначе из оферты не могут возникнуть последствия. Это верно и для публичной оферты: неопределенный круг лиц не реагирует на нее, и никаких последствий для публичного оферента не наступает. Однако ясно, что сам оферент связан своими односторонними действиями, поскольку он заранее позиционирует себя в качестве субъекта определенной деятельности, вытекающей из его статуса субъекта такой деятельности: продавца, перевозчика, подрядчика, собственника и т.д.

Связать себя может только конкретный субъект, имеющий определенный статус. В гражданском обороте гражданин никогда не выступает в качестве гражданина – он всегда кто-то, обладающий определенным статусом, и под именем этого статуса он – субъект гражданского оборота.

Можно ли рассматривать правовую связанность в качестве правоотношения? Думается, что это особое правоотношение, опосредующее конкретную деятельность, разрешенную субъекту как участнику гражданского оборота. И особенно удобно рассматривать эту деятельность как правоотношение в тех случаях, когда связанность реализуется.

Например, кто-то решил организовать торговлю и открыл торговое предприятие. Если он сумел привлечь покупателей, его связанность реализовалась, и это повлекло обычное двустороннее правоотношение, порождающее субъективные права и обязанности. В том случае если никто не отозвался на оферту, связанность ею не будет реализована, и могут наступить нежелательные последствия для всей деятельности субъекта-оферента (например, банкротство, порча или утрата вещи, неполучение дохода и т.п.)

Правоспособность мы можем рассматривать как некую абстрактную правовую категорию и воспринимать ее как возможность обретения определенного статуса посредством юридических фактов – односторонних действий.

Реализацию конкретным субъектом своей правоспособности путем совершения односторонних действий, сформулированных в законе или не противоречащих ему, можно

определить как секундарное право – именно “право”, порожденное односторонними действиями, которое, несомненно, больше, чем просто “возможность”, заложенная в правоспособности. Это право порождает новое правоотношение, состоящее в правовой связанности субъектов и предшествующее субъективному праву. По сравнению с “традиционными” субъективными правами секундарным правам присущ ряд особенностей.

Прежде всего это – право на одностороннее волеизъявление. Ему не соответствует конкретная обязанность другой стороны правоотношения. Следовательно, здесь мы говорим о некой связанности субъекта секундарного правоотношения, где адресату(ам) отводится активная роль – принять к сведению волеизъявление субъекта секундарного права и тем самым установить, изменить или прекратить новые права и обязанности.

При этом адресатом в одних случаях является участник уже существующего правоотношения, а в других – заинтересованное лицо, которое таковым не является. Юридически значимые односторонние действия совершаются с целью породить конкретные юридические последствия. Причем эти последствия всегда связывают субъекта секундарным правом или обязанностью и не влияют на встречные действия возможного адресата.

Связанность “требует” одного субъекта, обладающего определенным статусом, “вытекающим” из правоспособности.

В цивилистической науке вплоть до настоящего времени “правоотношение” практически рассматривается как общественное отношение, урегулированное нормой права. Однако общетеоретическое понимание правоотношения в настоящий период не может рассматриваться в качестве универсального и, следовательно, нуждается в переосмыслении.

В России досоветского периода юристы рассматривали правоотношение также преимущественно в рамках имущественного права как отношение двух субъектов, связанных друг с другом взаимными правами и обязанностями. Например, классик истории и философии права досоветского периода Е. Н. Трубецкой, обращаясь к проблематике права в субъективном смысле, делает вывод о том, что “под юридическими отношениями или правоотношениями, таким образом, следует понимать регулируемые нормами объективного права отношения лиц между собой”¹⁹.

Особый интерес представляет позиция еще одного классика истории и философии права – Л. И. Петражицкого, который писал, что “некоторые полагают, что право, регулируя только отношения между людьми, защищая человеческие интересы против посягательств со стороны других людей и т.п., может устанавливать правоотношения только между людьми, а не между людьми и вещами”²⁰. Подчеркнув, что такой подход приводит к сужению понятия правоотношения, ученый отмечал: “Право регулирует не только отношения людей к людям, но и отношения людей к вещам”²¹.

Следует согласиться с таким пониманием правоотношения как связи человека с законом, т.е. как определенному отношению субъекта к природе, к вещам, а не только как отношению между людьми.

¹⁹ Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 154.

²⁰ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 277, 278.

²¹ Там же.

Таким образом, как обнаруживается при более детальном рассмотрении, получившая в юридической науке наибольшее распространение на сегодня концепция правоотношения не вполне удовлетворительно объясняет многие аспекты современной правовой практики.

Налицо ряд спорных вопросов и проблемных ситуаций. Для их разрешения полагаем необходимым выйти за пределы традиционно исследуемой в юридической науке проблематики правоотношения и посмотреть на нее с более широких, системных позиций.

В частности, одним из важных аспектов такого подхода является рассмотрение правоотношений особого рода – вторичных правоотношений. Их присутствие в цивилистической доктрине позволяет сформулировать принципиально иное определение правоотношения в частном праве.

Правоотношение можно рассматривать как правовую связь, порождающую субъективные права и (или) юридические обязанности участников либо только как правовую связанность субъектов частного права их односторонними действиями.